

пластинчатоусых жуков Европейской части СССР и Кавказа. Именно в эти годы он опубликовал рекордное количество работ: в 1973 – 16, в 1974 – 13 названий.

Осенью 1974 года у С. И. Медведева забрали его рабочий кабинет, якобы, для расширения аудиторного фонда. И тогда на защиту председателя Харьковского отделения Украинского общества, почетного члена ВЭО выступили многие члены общества. На прием к министру высшего и среднего образования УССР обратились старшие научные сотрудники Института зоологии АН УССР: Валерий Михайлович Ермоленко, Марина Дмитриевна Зерова и Валентина Николаевна Логвиненко. Вскоре после двухгодичного перерыва с 1 сентября 1975 года С. И. Медведев был восстановлен в качестве консультанта. В этой должности проработал еще 2 года.

С. И. Медведев вел большую общественную работу во Всесоюзном энтомологическом обществе, членом которого он состоял с 1927 года. Более 20 лет (с 3 декабря 1957 года по 2 марта 1978 года) он возглавлял Харьковское отделение и входил в состав Совета Общества. К своему 60-летию юбилею он был избран Почетным членом ВЭО. С 1931 года он состоял также членом Всесоюзного географического общества.

За заслуги в научно-педагогической деятельности в 1967 году С. И. Медведев был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Как участник Великой Отечественной войны был награжден медалью «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Эти краткие данные далеко не полностью характеризуют огромную по глубине и масштабам научную работу, проведенную С. И. Медведевым, жизнь которого была целиком отдана науке. Трудно достаточно полно характеризовать С. И. Медведева – человека. Это был интеллигент с большой буквы, интеллигент в подлинном смысле этого слова. Необычайная скромность при выдающихся научных заслугах, большая доброжелательность, постоянная неоценимая помощь, оказываемая им всем обращающимся к нему научным работникам из всех республик, его доброта и искренний интерес к людям, мягкий юмор снискали ему общее уважение и любовь в кругу коллег. Свидетельством его всеобщего признания среди биологов служит тот факт, что в честь Сергея Ивановича Медведева на сегодняшний день названо 29 видов насекомых.

Приходится с горестью констатировать, что закрытие кафедры энтомологии в 1971 году после 25-летней успешной ее работы, а затем неожиданное для всех увольнение С. И. Медведева на пенсию, хотя он еще был полон творческих замыслов, успешно работал над фауной пластинчатоусых Украины, для будущей книги он подготовил серию тотальных рисунков насекомых, – все это отрицательно сказалось на здоровье Сергея Ивановича и послужило причиной его преждевременной кончины, а в конечном итоге нанесло вред делу подготовки грамотных специалистов в области энтомологии.

В. Н. ГРАММА

Харьківське ентомологічне товариство

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

За стеклом моего книжного шкафа стоят фотографии людей, которые сыграли значительную роль в моей жизни. И первым стоит портрет Сергея Ивановича Медведева. Я знаю, что если я что-то сделал в своей жизни в области энтомологии, то этим я обязан его влиянию и его примеру.

Вспоминаю. Последняя военная зима, четвертый курс Харьковского университета, промерзшие аудитории, печки-буржуйки в профессорских кабинетах, где нам читались спецкурсы, благо студентов было мало. В один прекрасный день в аудиторию большого практикума в сопровождении нашей преподавательницы вошел демобилизованный к тому времени человек в военной форме. Для меня его появление стало судьбоносным в полном смысле этого слова. Нам было сказано: "Сергей Иванович будет читать вам курс энтомологии". Для моих сокурсников эта фраза ничего не значила, но я к тому времени уже хорошо знал его работы, написанные вместе с корифеем русской энтомологии А. П. Семеновым-Тянь-Шанским и думал, что С. И. Медведев работает в знаменитом ЗИНе – Зоологическом институте Академии наук СССР, этой Мекке зоологов многих поколений, и к Харькову не имеет никакого отношения. Потом мы узнали, что Сергей Иванович и раньше был связан с Харьковским университетом и его появление у нас не было случайным.

Поселили Сергея Ивановича в одной из комнаток биофака, который был тогда на улице Тринклера, где теперь зоологический музей. Начались лекции. Забегая вперед, скажу, что наш учитель не был ни краснобаем, ни блестящим оратором, очаровывающим аудиторию блеском своих речей. У таких лекторов студенты сидят с открытым ртом и принимают лекцию как истину в последней инстанции, но выйдя из аудитории после лекции спрашивают друг друга – а что он сказал? Бывает, конечно, счастливое совпадение формы и содержания, но это большая редкость и удача.

Сергей Иванович читал лекции суховато и без ораторских ухищрений, но содержание их было глубоким. А главное заключалось в том, что в его лекциях было много такого, что нельзя было найти ни в одном из наших учебников. Это были результаты его собственных исследований. Только спустя много лет мы узнали о биоценологических работах группы Станчинского-Медведева в целинной степи Аскании-Нова, которые на много лет опередили классические исследования по продукционной экологии. Оба этих имени и их работы долгое время были "закрытыми" из-за репрессий, которым были подвергнуты оба этих ученых. Так мы потеряли приоритет в науке, а направление, развивавшееся задолго до войны нашими учеными, приписывается американцам и датируется 1942 годом. Я узнал о работах в Аскании-Нова даже не от самого Сергея Ивановича, а от ботаника М. С. Шальга, тоже старого асканийца, с которым судьба свела меня уже в Средней Азии.

Человек необычайной скромности, Сергей Иванович никогда не выпячивал в лекциях свою роль и свои заслуги. Иногда он начинал новый раздел словами: "Как вы, конечно, знаете...". А знали это, может быть 2–3 человека на свете, в том числе и в первую очередь наш лектор. Экзаменатором он был весьма либеральным и часто помогал отвечающим. От него мы услышали рассказ о том как учитель на экзамене, отчаявшись получить правильный ответ, сам стал отвечать за студента, а тот, будучи большим нахалом, приговаривал "правильно, правильно". Сергей Иванович был веселым человеком и любил подобные анекдоты из педагогической жизни. Только не надо думать, что ему было все равно, как воспринимаются его лекции и что остается в голове студента после сдачи экзамена. Он очень неплохо разбирался в том, кто чего стоит и соответственно возился, не жалея своего времени, с теми, кто хотел и мог работать. Будучи совершенно бескорыстным человеком, он мог отдавать свои материалы, безропотно определять чужие сборы, править чужие статьи, оставляя на время собственную работу. Но обычно только в том случае если видел, что человек делает нужное дело и ему нужно помочь. Чего греха таить, некоторые этим злоупотребляли.

Условия жизни и работы в первые послевоенные годы были настолько тяжелыми, что нынешним студентам, да и не только студентам, совершенно непонятно, как можно было учиться и работать, живя в нетопленных комнатах и получая мизерный продовольственный паек по карточкам. А Сергей Иванович жил, работал и сумел блестяще реализовать то, что копилось до этого годами и держалось в голове. Буквально в считанные годы он написал и защитил две диссертации и уже в 1947 году стал профессором. А как мы болели на его защитах! Тогда студенты бегали на заседания ученых советов, на которых слушали защиты диссертаций своих преподавателей. Не всех, однако, а любимых!

На наших глазах писалась докторская диссертация, которая потом была опубликована в серии "Фауна СССР" в 1951 году. За ней последовали еще 4 тома "Фауны" и только известные события, связанные с закрытием кафедры энтомологии в университете (накануне её 25-летнего юбилея!), помешали Сергею Ивановичу закончить этот грандиозный труд.

Но я немного отвлекся. Много раз вспоминая и оценивая роль моего учителя в становлении харьковской школы энтомологов, к которой я имею честь принадлежать, я прихожу к убеждению, что не столько лекции, сколько личный пример стал главным в общении с ним.

Сергей Иванович всегда работал. Это не преувеличение. Он работал всегда, в будни и в праздники, на службе и во время отдыха. В те времена, когда хождения на демонстрации 1-го мая и 7-го ноября были строго обязательными, Сергей Иванович после шествия заходил на кафедру "немножко поработать". Он был буквально нацелен на творчество и ничто не могло ему в этом помешать. И мы, окружавшие его, старались не отставать, хотя, конечно, мы были молодцы и у нас временами бывали и другие увлечения.

Остались в памяти вечера в лаборатории при кафедре, когда топившаяся с утра буржуйка остывала и мы снова растапливали её обломками досок (в основном с чужих заборов, добытых с опасностью не столько для жизни, сколько для целостности единственных брюк, на которые посягали хозяйские собаки). В корпусе тихо и пусто. Сергей Иванович готовит описания и рисунки для очередного тома "Фауны СССР", а мы с моим другом Севоём Захаренко, в будущем известным энтомологом и доцентом Всеволодом Борисовичем, готовимся к зачету или разбираем свои сборы жуков. И идет неторопливый разговор, но большей частью говорит

Сергей Иванович, а мы слушаем. Именно в эти вечера раскрывалась душа нашего учителя, велись беседы на разные темы, иногда совсем далекие от науки, но запоминавшиеся на всю жизнь. Эти вечерние разговоры вспоминаются как дорогие минуты общения. Он нас учил и этим, – тем что работал на наших глазах, тем, что говорил с нами, как с равными себе. Он был из тех людей, в чьей честности и добропорядочности никогда не возникает сомнений. Это синонимы: Сергей Иванович и благородство, Сергей Иванович и доброжелательность. Спасибо Вам, дорогой учитель за то уважительное отношение, с которым Вы подошли к Вашим первым студентам военной поры. Это была школа жизни!

Я должен был по предварительному распределению остаться в так называемом "Зообине", где сектором энтомологии также заведовал Сергей Иванович. Но этому не суждено было сбыться по независящим от меня причинам и я начал свою самостоятельную работу там, где её в 30-е годы оставил Сергей Иванович Медведев (тоже по независящим от него причинам). Перед моим отъездом из Харькова в заповедник "Аскания-Нова" Сергей Иванович сам разыскал меня и передал мне список асканийских жуков-листоедов, который он составил много лет назад. Вместе с моими последующими сборами и наблюдениями в южно-украинских степях это список лег в основу моей кандидатской диссертации. В этом весь Сергей Иванович! Скольким же людям он помог и словом и делом!

В 1953 году благосклонная судьба занесла меня на многие годы в Таджикистан, "на задворки Азии", как назвал это место ещё один мой учитель, одесский профессор И. И. Пузанов. Во время работы в Таджикском университете моё общение с Сергеем Ивановичем продолжилось. По материалам моих многочисленных экспедиций в Средней Азии он описал около десятка новых для науки видов пластинчатоусых жуков и оказал мне большую честь, назвав нескольких из них моим именем. Я горжусь тем, что наши фамилии стоят рядом в каталогах и ещё тем, что в соавторстве с моим учителем опубликовал статью о пластинчатоусых Таджикистана. Теперь уже мы встречались только в стенах ЗИНа да на съездах Всесоюзного энтомологического общества. Правда, к Сергею Ивановичу было нелегко пробиться: его всегда окружала толпа нуждающихся в его советах и помощи. Но он всегда очень тепло и дружески относился к своим первым ученикам и всегда интересовался нашими делами. Среди учеников Сергея Ивановича много известных энтомологов и не только в Украине. Не прерывается "медведевская линия" в энтомологии. Все черты своего отца и учителя унаследовал его сын Глеб Сергеевич, нынешний Президент Русского энтомологического общества, и его внук Сергей, ныне доктор наук и тоже энтомолог. Оба работают так, как работал и Сергей Иванович, проявляя и преданность науке, и бескорыстие, и доброжелательность к людям.

Светлым и дорогим остался в моей памяти Сергей Иванович Медведев. И я желаю всем молодым людям, начинающим жизнь, встретить такого учителя.

И. К. ЛОПАТИН

Белорусский государственный университет

ВСТРЕЧА В ЗАПОВЕДНИКЕ (О С. И. МЕДВЕДЕВЕ)

В 1952 году я окончила Московский университет по кафедре энтомологии и меня оставили в аспирантуре при кафедре. Мой руководитель известный диптеролог заведующий кафедрой Е. С. Смирнов ещё в студенческие годы рекомендовал мне для изучения группу мелких мух, такназываемых злаковых мух, среди которых несколько видов имеют серьезное значение как вредители пшеницы, ячменя и овса. Как раз в эти годы они привлекли внимание прикладных энтомологов и возник ряд таксономических проблем, требующих разрешения. Е. С. Смирнов давно занимался этими мушками и решил, что я с его помощью могу в эти вопросы внести некоторую ясность. Материалов, собранных в средней полосе России, в дальних и ближних окрестностях Москвы, было достаточно и было решено получить материал из более южных регионов. Поскольку злаковые мухи связаны в основном со злаками, было необходимо изучить их фауну и биологию в степях, формациях преимущественно злаковых.

Е. С. Смирнов направил меня в один из маленьких степных заповедников. Так весной 1953 года я оказалась в Украине. Приехала на станцию Чертково, а оттуда меня на лошади привезли в заповедник "Стрелецкая степь". Впоследствии, чтобы не путать с известной "Стрелецкой степью", участком Центрально-Черноземного заповедника в литературе употребляли название "Стрельцовская степь".

Поселилась я в небольшом селе Криничное на речке Черепаха, от неё надо было пройти метров 800 вверх по склону до территории заповедника. Заповедник небольшой,